

системы такие как славянскую, правовую систему, евразийскую правовую систему. Ученый исходил с реального положения функционирования правовой системы Украины и не соглашался с ее однозначным отнесением к романо- германскому праву. Ученый пришел к выводу, что не должен вызывать сомнений ответ на вопрос обладает ли Украина особой цивилизационной идентичностью или должна приобретать ее применительно к европейской цивилизации. Подчеркивал, что цивилизационная идентичность Украины – это ее право быть непохожей на западную Европу в силу обладания своим наследием и традицией, целью и призванием, ментальностью и судьбой.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, исследования профессора Оборотова, методология, правовая система Украины.

Ключові слова: порівняльне правознавство, дослідження професора Оборотова, методологія, правова система України.

Key words: comparative jurisprudence, research by Professor Oborotov, methodology, legal system of Ukraine.

Сумарокова Людмила Николаевна

Национальный университет «Одесская юридическая академия»

доцент кафедры философии

кандидат философских наук, доцент

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ И ФИЛОСОФИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУРСЫ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Сюжеты наших многолетних дискуссий с Юрием Николаевичем Оборотовым были достаточно разнообразными и касались, например, понимания рациональности и рационализма, их различных проявлений в юриспруденции и в философии; статуса философии права в контексте взаимодействия юриспруденции и философии; роли коммуникативной философии в юриспруденции и т.д.

Многие юристы, и Юрий Николаевич в том числе, относят философию права к числу юридических дисциплин. Ю. Н. Оборотов, в частности, считал общетеоретическую юриспруденцию системой

философских и научных знаний о праве и государстве, которая обеспечивает развитие профессиональной правовой культуры [1, с. 5]. Каждая фундаментальная теория имеет свою философскую часть: свои философские предпосылки, основания и следствия. Например, можно говорить о философии физики точно в таком же смысле, как говорят о философии права. Однако философия физики является и частью философии как целого, обладающего своей внутренней структурой, логикой мышления, тенденциями развития, формирующимися внутри культуры человечества как целого.

Аналогично и философия права как живое, развивающееся знание, не может ограничиваться предметной областью юриспруденции, как бы широка она ни была. Гармония отношений между юриспруденцией и философией складывается под влиянием импульсов и с той, и с другой стороны, но философская часть общетеоретической юриспруденции не может не быть в то же время обусловленной состоянием философии как целого; при этом эмергентные свойства этого целого часто не менее важны, чем характеристики философии права как раздела (или уровня) общетеоретической юриспруденции. Для специалиста по философии права недостаточно быть юристом-профессионалом даже самого высокого класса; он должен быть и философом-профессионалом. У нас сложилась ситуация, когда термин «философия права» стал употребляться в двух разных смыслах, хотя и пересекающихся друг с другом. Разница этих смыслов определяется направлением отношения исследования: в одних случаях мы идем от права к философии и именно право задает диапазон использования философии, ее категорий и принципов; в других случаях наша мысль движется от философии к праву, и тогда философия меняет способы и ракурсы («оптику») видения-понимания многих теоретических и практических проблем юриспруденции. Как правило, категории и принципы философии права выражаются на языке философии, независимо от того, где зародились их идеи и начальные смысловые составляющие.

Несмотря на кажущуюся остроту полемики по поводу соотношения юриспруденции и философии – например, Юрий Николаевич

считал, что юриспруденция «избыточно рациональна» [1, с. 5], а я – что она недостаточно рациональна, – постепенно выяснялось, что само по себе понятие рациональности требует осознания постоянной соотношенности разума с чувственно-эмоциональной сферой человеческого сознания, что не рациональность, а рационализм может быть избыточным и несостоятельным в силу искусственного изолирования разума от всей системы сознания человека, от упрощенной, односторонней трактовки рациональности. Чем дальше длились наши споры, тем яснее становилось, что мы, в конечном счете, единомышленники, которые идут к решению общих проблем разными путями: либо от общетеоретической юриспруденции к философии права как ее обязательной части (уровня), либо от общеправовых проблем, от категориальных изменений в системе философского мышления – к праву, к юриспруденции. Где-то «место встречи» наших позиций уже определилось, а где-то является вполне реальной возможностью.

Кратко остановлюсь на некоторых вопросах, которые мы не успели обсудить с Юрием Николаевичем, но которые как раз, с моей точки зрения, могли бы быть интерпретированы как проявление реального взаимодействия юриспруденции и философии.

Первый из них касается понятия правовых инноваций, второй – понимания правосознания.

Правовые инновации, с точки зрения Ю. Н. Оборотова, «мають стратегічне значення для правового розвитку, організації і функціонування будь-якої правової системи» [2, с. 43]. В качестве одной из инноваций в национальном праве Ю. Н. Оборотов называет «відновне правосуддя як нову модель реагування на злочинну поведінку, враховуючи баланс інтересів жертви, правопорушника та суспільства» [там же]. Автор приводит принципы, на которых базируется эта инновация; а также отмечает, что методом, который при этом применяется, является «медіація між жертвою і правопорушником» [там же]. Для нас существенно отметить, что и принципы, и метод восстанавливающего правосудия в качестве своих философских оснований имеют идеи коммуникативной философии, принимающей intersubjective интерпретацию сознания и рациональности,

а также признающей важную роль правильно организованной коммуникации, направленной на достижение взаимопонимания, для разрешения самых острых конфликтных ситуаций. Именно соблюдение принципов правильно организованной коммуникации (равное и свободное участие всех сторон, соблюдение принятых всеми коммуникантами исходных положений и правил и т. д.) позволяет успешно применять метод медиации.

Этот пример наглядно свидетельствует, что одних юридических практик и теоретических выводов из них недостаточно для понимания сути и значимости метода медиации. Впрочем, верно и другое: само по себе знакомство с коммуникативной философией мало что дает юристу, если он не осознал «изнутри» присутствие коммуникативных действий в действиях юридических. Об этом свидетельствовало обсуждение на одном из методологических семинаров книги А. В. Полякова, посвященной коммуникативному подходу к праву, где идеи коммуникативной философии освещались скорее «извне», чем «изнутри» по отношению к теории и практике права. Ю. Н. Оборотов заметил тогда, что в книге идеи коммуникативной философии существуют как бы сами по себе, не ясны пути их реализации в сфере права. А между тем опора на общеправовой вывод о том, что потребность в коммуникации – одна из базовых, бытийных потребностей человека, что именно коммуникация выявляет и продуцирует, развивает такое качество рациональности как интерсубъективность («коммуникативная рациональность»), делает возможным появление и эффективное применение таких методов как метод медиации и другие методы организации продуктивной коммуникации в условиях, когда возникают конфликты в разных сферах человеческой жизни, когда слишком велика неопределенность в ситуациях выбора, принятия решения и т. п.

Ю. Н. Оборотов весьма проникательно заметил, что «аксіосфера держави формується у процесі діалогу держави і суспільства, а також держави і особистості ... Цінності держави виступають як пережиті людьми і обумовлені культурою форми їхнього позитивного ставлення до держави та її інститутів, які визначають вибір поведінки, що

відповідає цим цінностям» [3, с. 9]. Если же такой диалог отсутствует или, что еще хуже, заменяется специально созданным симулякром, тогда единство ценностей государства и личностей отсутствует. Тогда провозглашаемые ценности и программы государства «працюють не зі здатністю особистої рефлексії, а переважно з колективним несвідомим, оформленим у вигляді масових стереотипів, пресупозицій розуміння, страхів, тощо. Вони є соціальними технологіями навернення й утримання контролю над свідомістю, а отже і над волею адресатів» [4, с. 289].

Второй пример касается правосознания и может быть, с моей точки зрения, началом разработки нового ракурса внимания к праву и правовой жизни общества, который, в частности, мог бы обновить методологию юридического образования. Истоки формирования идеи этого подхода дает различение естественного и позитивного права, с одной стороны, и различение теоретической и практической философии – с другой. Ю. Н. Оборотов привлек внимание к мнению В. А. Бачинина, «що існує теоретична доцільність виділення двох іпостасей правосвідомості – природно-правової та позитивно-правової. Саме природно-правова правосвідомість містить ідеї непорушних заборон і безумовних цінностей, на відміну від позитивно-правової правосвідомості» [3, с. 12]. Думается, что с соотношением ценностей дело обстоит несколько сложнее, чем это формулирует В. А. Бачинин. Во всяком случае, поставленная им проблема заслуживает обсуждения в разных аспектах. Здесь я вижу аналогию с вопросом о соотношении естественной (практической) логики и логики теоретической [5, с. 10–21]. Решение этого вопроса может иметь не только теоретические, но и практические последствия.

Заключая сообщение, хочу отметить, что мы потеряли в лице Юрия Николаевича уникального ученого, удивительным образом сочетающего в себе неукротимую энергию и жажду поиска нестандартных решений, новых идей, талантливых учеников, способных к творчеству, со столь же неукротимой силой и верностью в защите

тех цінностей права и науки о праве, служение которым он считал смыслом своей жизни.

Литература

1. Общетеоретическая юриспруденция: Учебный курс: учебник / под ред. Ю. Н. Оборотова. – Од.: Фенікс, 2011. – 436 с.
2. Оборотов Ю. М. Правові новації та інновації // Правові та інституційні механізми забезпечення розвитку України в умовах європейської інтеграції: матеріали міжнар. науково-практ. конф. (м. Одеса, 18 травня 2018 р.). Т. 1. Відп. ред. Г. О. Ульянова. Од.: Гельветика, 2018. – 672 с.
3. Актуальні грані загальнотеоретичної юриспруденції: монографія. / [Ю. М. Оборотов, В. В. Завальнюк, В. В. Дудченко та ін.]; за ред. Ю. М. Оборотова. – Од.: Фенікс, 2012. – 492 с.
4. Бистрицький Є., Зимовець Р., Пролеєв С. Комунікація і культура в глобальному світі. К.: Дух і літера, 2020. С. 289.
5. Сумарокова Л. Н. Юридическая логика: коммуникативная концепция – монография. Од.: Феникс, 2015. – 204 с.

Ключові слова: філософія, юриспруденція, філософія права, комунікативна філософія, інновації, правова свідомість.

Ключевые слова: философия, юриспруденция, философия права, коммуникативная философия, инновации, правовое сознание.

Key words: philosophy, jurisprudence, philosophy of law, communicative philosophy, innovation, legal consciousness.

Рабінович Петро Мойсейович

*Львівський національний університету ім. Івана Франка,
професор кафедри теорії та філософії права
юридичного факультету,
доктор юридичних наук, академік НАПрН України*

БУТТЄВІ ПРАВА ЛЮДИНИ: ДІАЛЕКТИЧНА ЄДНІСТЬ СУБ'ЄКТИВНОГО І ОБ'ЄКТИВНОГО

1. У загальнотеоретичній юриспруденції, якій присвятив основну частину свого фахового життя відомий український учений, професор Юрій Миколайович Оборотов, здавна використовується таке термінологічне словосполучення, як «суб'єктивне юридичне право». Стосовно ж буттєвих (так званих «природних») людських прав використовується, зазвичай, вираз «основоположні права».